

Бессознательное российских политических элит: архетипы и комплексы

Александр Задохин

Несмотря на появление науки психологии и современных знаний о человеческом индивидуальном и коллективном сознании, в том числе и о его бессознательном, эти знания мало учитываются политиками.

Все это «порождает иллюзорные социально-политические системы – системы, столь же обязанные своим появлением на свет сцеплению внешних обстоятельств, как и событиям, стремительно „выпавшим в осадок“ с помощью коллективного бессознательного»¹. И пока как внешние, так и психологические условия нашего существования не будут учитываться, всегда будет сохраняться опасность, что «вдруг» миллионы людей или два народа, мирно сосуществовавших десятилетиями и столетиями друг с другом, могут быть поражены безумием – гражданской войной, этническим или религиозным конфликтом и «чистками», когда они с остервенением будут убивать самым диким, варварским способом взрослых и детей.

Для этого вполне достаточно создать в головах масс образ лидера-спасителя, мессии, у которого «чуть заметное нарушение равновесия баланса сознательного и подсознательного может привести к национальной, а то и более масштабной катастрофе».

Такое уже было в мировой истории.

Исследователи отмечали, что в свое время основатели психоаналитической школы выводили характер общества и государства из психического состояния образующих его индивидов. Они считали, что коллективный бунт, революция, этнический конфликт и да-

же решение политиков о начале военных действий, есть следствие и отражение психических процессов именно в индивидуальном сознании, в том числе политиков². То есть когда внешние обстоятельства затрагивают всех или большинство населения, они неизбеж-

ЗАДОХИН Александр Григорьевич — доктор политических наук, профессор (Дипломатическая академия МИД России). E-mail: aleksander_1945@mail.ru

Ключевые слова: социальная и индивидуальная психология, бессознательное, рефлексия.

но превращаются в психический процесс, захватывающий большие массы людей. И дело за лидером. Даже в тех случаях, когда индивид политически пассивен, он незримо в своем сознании и подсознании участвует в политическом процессе. Более того, его пассивность способствует политическим играм не во благо ему, а во вред.

Непосредственно психологическая наука определяет **бессознательное** как:

1. Совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности, во влиянии которых субъект не отдает себе отчета.

2. Форма психического отражения, в которой образ действительности и отношение к ней субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, а составляют нерасчлененное целое.

Бессознательное отличается от сознания тем, что отражаемая им реальность сливается с переживаниями субъекта, его ценностными отношениями к миру, поэтому в бессознательном невозможны произвольный контроль осуществляемых субъектом действий и оценка их результатов. В бессознательном действительность переживается субъектом через такие формы уподобления, отождествления себя с другими людьми и явлениями, как непосредственное эмоциональное чувствование, идентификация, эмоциональное возбуждение и объединение различных явлений в некую совокупность бессознательного. В бессознательном прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяясь в каком-либо одном психическом акте. В этом случае рациональное знание отступает на второй план.

Бессознательное может быть **коллективным и личностным**. Коллективное состоит из унаследованных ин-

стинктов и форм восприятия или понимания, которые находят свое выражение в ранних формах социального сознания, в тех групповых стереотипных действиях и восприятиях, которые сформировались в период борьбы за свою нишу на географическом и этнокультурном пространствах. То есть все то, что было, как нам сегодня кажется, забыто, не осознается, но сохраняется в нашем бессознательном. Бессознательное дает о себе знать в коллективных архетипах и стереотипах, которые можно обнаружить в персонажах народных былин, сказок и в поговорках.

Следует особо выделить личное бессознательное, имея в виду, что в политике многое зависит именно от личностей.

Под бессознательным один из основателей психоанализа З. Фрейд понимал нереализованные устремления личности, которые из-за конфликта с требованиями социальных и идеологических норм не допускались в сознание, отчуждались с помощью механизма вытеснения, обнаруживая себя в обмолвках, оговорках, сновидениях и пр. Особенность подобных проявлений бессознательного состоит в том, что осознание субъектом причинной связи нереализованных устремлений с психотравмирующими событиями не приводит с течением времени к простому исчезновению переживаний.

Эффекты бессознательного в поведении устраняются в том случае, если вызвавшие их события изживаются личностью совместно с другим человеком (например, в психоаналитическом рефлексивном сеансе) или с другими людьми (групповая психотерапия), или в публичной предметной деятельности.

Личное бессознательное состоит из следующих элементов:

– следов внешних и внутренних раздражителей и комбинаций представлений, которые никогда не достигали сознания по причине их слабости и неотчетливости или в силу каких-то обстоятельств были вытеснены из сознания, например, ради душевного равновесия;

– всех психических содержаний, которые несовместимы с сознательной установкой личности и оказываются морально, эстетически или интеллектуально недопустимыми;

– потенциальных функций данной конкретной души или личности, которые не получили сознательного развития;

– и, наконец, обретенного личного опыта, который был забыт или вытеснен.

Развитие представлений о природе бессознательного, специфике его проявлений, механизмах и функциях в регуляции поведения человека является необходимым условием создания целостной объективной картины психической жизни личности.

Трудность, однако, состоит в том, что изначально индивид далек от осознания такого рода фактов, ибо его долгое время «воспитывали» в школе и вне ее исключительно исполнителем, подчиненным, подданным (буквально под данью суверена и подчиненного ему) и коллективистом, не способным подняться до высот саморефлексии. В сознании индивида просто не укладывается, что ему, по существу, принадлежит решающая роль в образовании общественных и политических движений, а не только властным элитам.

В силу отмеченного индивид, вместо того чтобы быть выраженным в личной рефлексии и поддающейся контролю форме, опускается на уровень коллективного бессознательного. Все это проявляется и в политическом

процессе, а также в характере и действиях политиков.

Такая социально-психологическая действительность, и особенно отвергающая, отторгающая разнообразие личностей политическая практика тоталитарных государств, не дает выхода иррациональным и личностным внутренним импульсам. В результате индивидуальные импульсы, подавляемые и презираемые, усиливаются и искажаются и в определенные моменты проявляются в форме массовых психозов, поведении и движениях радикального и экстремистского характера.

Субъект, достигнувший высот власти и кажущийся со стороны и самому себе рациональным, контролирующим свои эмоции и чувства и вполне осознающим свои цели, тем не менее по-прежнему остается под довлеющим влиянием своего собственного бессознательного «второго» «Я». Оно по силе воздействия может превосходить, и часто превосходит, его разум, знания и опыт, знания и опыт советников, его окружающих. Правитель или политик может только догадываться о влиянии этой силы, но, как правило, он бежит от своего внутреннего под-сознательного «Я» во внешнее пространство – пространство власти в своей стране или за ее пределами.

Понимание содержания и действия механизмов бессознательного, особенно его низших элементов (агрессия, зависть и т. д.), ищущих компенсации через агрессию и власть, резко снизило бы накал политического противоборства и позволило бы взглянуть на него с более реалистической точки зрения. Психологическое самопознание и взаимное снятие враждебных проекций являются одним из обязательных условий для установления более мирного внутреннего и международного порядка.

Самоидентификация политиков ограничивается лишь тем, что они счи-

тают нужным знать о себе или исходят из комплиментов подчиненных и свиты. В желаемом же ими представлении ошибки совершают, по преимуществу, другие, известные как «народ», «олигархи», «несистемная оппозиция», «зарубежные государства» и «другие народы», но только не они сами.

Осознание, рефлексия своего внутреннего «Я» не только интеллектуальная проблема, то есть речь идет не только о психическом развитии индивида и общества, но и политическом строе и, по большому счету, судьбе нации. Если индивид признает за своим бессознательным определенную роль в социально-политических процессах, а особенно правитель в своих действиях по отношению к обществу, следовательно, он или отдает себе отчет в значимости фактора индивидуальной психики и теневого «Я» в принятии политического решения и пытается как-им-то образом все это учесть или игнорирует сознательно этот фактор и дает ему возможность «разгуляться», то есть не проникается чувством ответственности за нормальное функционирование своего индивидуального и коллективного, в том числе политического психического организма.

Другое дело, что индивиду, в том числе политику, трудно, а главное, во-первых, страшно разобраться в своем подсознательном, во-вторых, трудно разобраться без помощи специалистов-психологов, психоаналитиков и психиатров, наконец, в-третьих, решить осознанные психические проблемы без помощи и содействия психотерапевтов.

Исследователи установили, что наше скрытое внутреннее «Я», вбирает в себя все, что находится под знаком слабости и психического ущерба. Но это отнюдь не означает его пассивности и бессилия. Напротив, по мере того как в процессе рефлексии человек осознает способность подсознания к злу, то это

зло подвергается усиленному вытеснению. Политическая публичность, публичный опыт – коммуникации этому способствуют. Напротив, отсутствие внутренней саморефлексии создает условия для того, что подсознание может сотворить зло. Ибо изначально подсознание представляет собой родовой (общинный) и национально-коллективный аспект психического – «мы лучше, чем они», которое функционирует до известной степени в автономном режиме.

Как в системе зарубежной полиции уже давно есть штатные психологи и психоаналитики, так желательно, чтобы и во властных структурах они были представлены.

По российскому телеканалу «Культура» был организован под началом известного психолога А. Г. Асмолова цикл просветительских лекций по психологии личности и коллектива. Вряд ли российская политическая элита удосужилась их послушать.

Распад исторической России и объективные трудности российского транзита 90-х годов прошлого века в сопряжении с национальным бессознательным стимулировали возникновение кризиса идентичности. В этих условиях общество непроизвольно, на подсознательном уровне связывало решение существующих проблем с приходом человека – «сильной руки»³. Образ политика есть его миф, создаваемый политтехнологами и заинтересованными лицами и группами.

Объективные трудности транзита 90-х годов прошлого века и национальное бессознательное страны требовали каких-то, если не моментальных перемен вроде военного коммунизма, то хотя бы иллюзию изменений к лучшему. Недавняя смена власти в Москве – это также попытка создать такую иллюзию с опорой на коллективное бессознательное. За всеми этими вполне постановочными сценками можно увидеть прежде всего простой политический расчет.

В условиях игнорирования личностного у подданных возникает чувство подавленности и накапливается негативный потенциал – все это может вызвать социальный взрыв и привести к перевороту. В результате последнего во власти могут оказаться как раз те, кто компенсирует глубоко затаенные бессилие или комплексы в персональных издержках власти.

Такой политик, преодолевая первичную неуверенность, «раздувает» свою личность через «идентификацию со своим постом, бюрократической функцией»⁴ или претендует на абсолютное выражение национальной воли и интереса. Он начинает испытывать чувство самоуверенности, а затем с помощью подчиненных всемогущество и манию величия.

Внутренне чувство личной неполноценности приводит к страху перед потерей власти, что, в свою очередь, развивает подозрительность по отношению к возможным соперникам, а то и к обществу в целом. Все это может найти компенсацию в еще более энергичном утверждении своей власти, а это ведет зачастую к авторитаризму, тирании, тоталитаризму и т. д.

С другой стороны, понимание своего бессилия и неполноценности у индивидуума, который и не борется за власть, но скрывает бессознательную, нередко патологическую жажду власти, находит в себе утление посредством идентификации с мощным, исполненным миссии лидером или просто начальником. Самоидентификация может быть рефлексивно-сознательной, а может происходить и на бессознательном уровне, порождая пассивность.

Изначальное коллективное подсознательное, которое усиливает личностные комплексы простых обывателей, представителей властных элит и даже (!)

высших лиц государства, ослабевает при развитии социальных, публичных коммуникаций и растущей дифференциации общества, и как следствие – развитие национального и индивидуального сознания. В результате теневое коллективное «Я» размывается и приобретает более индивидуально-личностный характер, что способствует развитию чувства личностной рефлексии и создает условия для гражданской активности в обществе и растущей публичности политики и политиков.

Однако персонализация сознания и гражданская активность присуща высоко дифференцированным, то есть развитым нациям. В посттоталитарных обществах как в силу их еще слабой дифференциации, так и сопротивления консервативных элитных групп существует большой риск реставрации тоталитаризма. Так, в результате поражения в войне, распада государства и объективных трудностей переходного периода происходит актуализация, регрессия коллективного подсознательного.

Сила бессознательного ощущалась на всей территории Европы после окончания Первой мировой войны и послевоенного экономического кризиса. Но в некоторых странах, и прежде всего в Италии, Испании, Германии, а также Японии, влияние национального бессознательного имело особенно тяжелые последствия для мира и перечисленных стран.

Это служит драматической иллюстрацией взаимодействия исторических и психологических факторов, которые привели к возникновению фашизма как актуализации бессознательного и его комплексов.

Психология войны, этнонационального и гражданского конфликтов есть и проявление бессознательного. Дихотомия последнего проста, прямолинейна, категорична – «мы лучше, чем они». Все это можно было наблюдать в период холодной войны в отношениях СССР

и стран Запада, а ранее России и Европы. А внутри страны в отношении власти к оппозиции и т. д., когда любая не совпадающая с официальной декларацией точка зрения не только отторгается, но и воспринимается угрозой для этой власти. Так, тот страх, который личность политика непроизвольно и тайно испытывает перед собственным внутренним «Я», не просто воспроизводит образ внешней угрозы, а доводит его до гигантских размеров. При отсутствии развитой саморефлексии власть обвиняет политического оппонента внутри и вне страны в тех недостатках, в которых она не хочет признаться себе собой.

Например, раздражение от неудобных вопросов журналистов или критики политических оппонентов является непроизвольным проявлением своих комплексов неполноценности.

Ввиду сложности психических процессов эмоции, конфликты и события, порождаемые ими, осознаются нами лишь смутно, как может показаться, происходят сами собой, как бы без нашего содействия. Положение еще больше усугубляется тем, что с чисто психической точки зрения едва ли желательно любой ценой избегать таких проекций.

Наше психическое объективно и изначально нуждается в образе врага по определению. Ибо изначально, исторически на диалоговых оппозициях формируются наше этническое сознание и этническая индивидуальность. Теневое «Я» ищет и создает образ врага. Но ему отвечают тем же оппоненты, так как другие также нуждаются в том же. И тогда в его распоряжении появляется уже объективно достоверная враждебность противника, вполне оправдывающая антагонистические чувства к нему. В известном смысле победа психического была бы полной,

если бы не действительная угроза, создаваемая затем этим врагом благополучию и самому существованию данного индивида и нации. Само существование образа врага, на которого можно свалить собственные неудачи и просчеты управления, включая и несбывшиеся мечты об усовершенствовании жизни, глобальной миссии, – огромное облегчение для нашей совести и для компенсирующего чувства идеализма, то есть причина личных и национальных бед находится вовне.

Вполне возможно, что там, где расстройства психического носят особенно тяжелый характер, оно реально навязывает себе врагов. Эти саморазрушительные тенденции особенно заметны в поведении индивидов – невротиков и психотиков.

Таким образом, если в сбалансированном индивидуальном или групповом психическом подсознательном отрицательные оппозиционные проекции полезны, то там, где они подвергаются интенсивному вытеснению, они становятся опасными. Ибо жесткое вытеснение подсознательного наделяет добавочной энергией негативное содержание бессознательного и ускоряет его проецирование на внешние объекты, с которыми индивид или группа связаны определенными отношениями. Так возникает невротическая (склонная к эмоциональной неустойчивости, тревожности и низкой самооценки) личность, а иногда психотическая личность, группа или общество, для которых характерно компульсивное (навязчивое) стремление к конфликтам и саморазрушению.

Здесь сознательное отношение к указанным процессам и терпимость к собственной тени, то есть понимание неизбежности ее существования, помогают избежать потенциально опасного развития событий. Сознательное от-

ношение и терпимость сдерживают и контролируют проецирование негативных качеств психического на других и произвольную потребность в создании врагов, что в целом способствует развитию у индивида таких качеств, как сдержанность, скромность и повышенное чувство личной ответственности за происходящее в мире и обществе. Таким образом, как в истории нации, так и в истории индивида многое зависит от развития сознания. Только оно может принести освобождение от негативного влияния бессознательного.

Очевидно, что все это может произойти, когда общество и элиты, во-первых, не узнают себя лучше, во-вторых, не научатся критически смотреть на самих себя и, в-третьих, позитивно преодолевать воздействие подсознания.

В противном случае политическим элитам и обществу будут нужны враги и образы врагов и они будут их создавать реально и виртуально. Это имеет особенное значение для публичной политики. Ибо слабо структурированное с дихотомическим восприятием мира общество, отторгая неопределенность и разнообразие, пытается причины своих невзгод и проблем искать вне. В образе врага необязательно могут выступить чужое государство и его народ. «Стрелочниками» могут быть: евреи и иммигранты, коммунисты и демократы, либералы и олигархи, несистемная оппозиция и просто «другие».

В конце концов, встает вопрос, что же делать с подсознательным. Избавиться от него невозможно. Но можно понять механизм его влияния и по возможности смягчить его крайние и разрушительные проявления. Для этого необходимо знание психологической динамики и содержания нашей личной и коллективной тени.

Осознание своей недостаточности и зла внутри нас, проистекающая отсюда скромность и, наконец, воля к нравственному сопротивлению всему тому, что продиктовано низкими побуждениями собственной психики или общественной группы, – вот обязательные внутренние корреляты для интеллектуального познания теневого «Я». Реально это означает, что, для того чтобы поставить границы под-

Все перечисленные группы в разной ситуации, с одной стороны, удобны для власти в качестве «громоотводов», а с другой – могут вызвать такую же реакцию в массах. Ибо, помимо политических врагов, субъекты и общество в целом склонны проецировать собственную тень на всякого, кто отличается от них.

Психологически недифференцированная личность неизбежно может оказаться «во власти психополитического потока событий, не поддающихся ее контролю»¹. Политики пользуются этим и манипулируют массовым сознанием, чтобы удержать власть в своих руках, отвлечь от внутренних проблем общество и т. д.

Следует особо отметить, что проецирование коллективной тени, помимо всего прочего, обладает кумулятивным эффектом. Это означает, что коллективные проекции оживляют, активизируют и поддерживают разнообразное подсознательное местного (локального) и личного характера. Прежде всего актуализируется конфликт индивида с культурой в целом, ограничивающей и подавляющей его «Я», далее, местность и народ, среди которых он живет, добавляют свои особые проблемы, и, наконец, каждый, с кем ему приходится общаться, наделяет его частичкой своей личной тени. Накапливающееся социальное негативное ведет к психической подавленности общества.

сознанию, индивид, равно как и группа, должен научиться сознавать и переносить напряжение противоположностей в своей психике.

Внутренних, да и внешнеполитических конфликтов было бы гораздо меньше, если бы политики научились рефлексировать свое бессознательное хотя бы на уровне констатации: оно у меня есть. А затем сознательно превращать хотя бы часть своей изначальной человеческой агрессивности в предмет самоанализа.

Можно мечтать об этом – надежда умирает последней...

Инстинкты и стереотипы бессознательного можно видоизменять и уравнивать, но их нельзя уничтожить, и уж тем более с помощью приказа и «вертикали власти».

В условиях плюрализма и развитых публичных коммуникаций таким естественным проявлением человеческой природы, как то и дело вспыхивающая у индивида враждебность по отношению к другим, чужим потребность дать выход накопившейся внутренней ли агрессивности, жажды ли власти, предоставляется полная свобода, но в пределах, очерченных конституцией, законом и неизбежным, но терпимым уровнем преступности и коррупции. Принимая инстинкты вражды и агрессии как нечто естественное, вводя их в свой внутренний мир и затем ограничивая их действие внутриполитической сферой, открытое публичное государство, до известной степени, уменьшает потребность во внешних врагах и войнах.

Примечания

- ¹ *Одайник В.* Психология политики. М., 1996. С. 80, 89.
- ² *Юнг. К.* Диагностируя диктаторов (интервью, взятое у К. Г. Юнга американским журналистом Х. Никербокером в 1938 г.). Цит. по: *Одайник В.* Психология политики. М., 1996. С. 344–349.
- ³ *Овчинникова О. Г., Халин К. Е.* Путин, Блэр, Буш. Биографии и аналогии. М., 2004.
- ⁴ *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993. С. 286.